

ГЕОПОЛИТИКА

УДК 327

СТАНЕТ ЛИ АРКТИКА ТЕАТРОМ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
ПО ПОСЛЕДНЕМУ ПЕРЕДЕЛУ МИРА?

WILL BE THE ARCTIC LAST REDIVISION OF THE WORLD THEATER?

© **Храмчихин** Александр Анатольевич, заместитель директора
Института политического и военного анализа.
E-mail: hrmndanot@mail.ru

© **Khramchikhin** Alexander Anatolievich, Deputy Director of Institute of
Political and Military Analysis. E-mail: hrmndanot@mail.ru

Аннотация. Возможность военного конфликта в Арктике между Россией и странами НАТО представляется иллюзорной, если Россия сможет сохранить свой военный потенциал хотя бы на нынешнем уровне. В более отдаленном будущем участником передела Арктики может стать Китай, испытывающий нарастающую потребность в природных ресурсах и быстро увеличивающий военную мощь

Ключевые слова: Арктика, войны, США, НАТО, Кумай

Abstract. The possibility of military conflict in the Arctic between Russia and NATO countries is illusory, if Russia can maintain its military capabilities at least at current levels. In the more distant future, a party can be a redistribution of the Arctic, China, is experiencing growing demand for natural resources and rapidly increasing military power

Keywords: Arctic, wars, USA, NATO, China

В любых рассуждениях по поводу возможного передела или даже просто мирного хозяйственного освоения Арктики надо иметь в виду, что в данном случае человечество полностью зависит от климата, которым пока еще не управляет. Нынешнее активное обсуждение данной проблемы началось только и исключительно потому, что вследствие глобального потепления началось быстрое таяние ледового покрова Северного Ледовитого океана, причем таяние неравномерное (быстрее всего ото льда освобождается российский сектор Арктики, особенно его азиатская часть). При этом никто точно не знает причин глобального потепления (в какой степени это природный процесс, в какой — техногенный), тем более неизвестна его возможная глубина и продолжительность. Некоторые ученые-климатологи считают, что пик потепления уже пройден. А применительно к обозримой перспективе в Арктике может произойти все что угодно: от полного исчезновения ледового покрова летом и значительно сокращения зимой до малого ледникового периода. Если потепление сменится похолоданием, чего совершенно нельзя исключать, обсуждаемая тема закроется автоматически,

поскольку издержки любых форм экономической деятельности в Арктике окажутся слишком высокими.

Если говорить о военном использовании Арктики, то оно делится на два различных аспекта. Первый — это использование территорий и акваторий Арктики для глобального противоборства, второй — вооруженная борьба за передел собственно Арктики.

Фактор глобального противоборства

Военная значимость Арктического региона со времен холодной войны определяется, *во-первых*, тем, что именно через приполярные области проходят траектории полета МБР и БРПЛ из США в Россию и обратно, *во-вторых*, тем, что только через Баренцево и Норвежское моря ВМФ России имеет единственный открытый выход в Атлантику (Северный флот РФ, по сути, является не столько «арктическим», сколько «атлантическим»).

В последнее время, в связи с быстрым развитием в США высокоточного оружия, появился еще один момент, связанный с двумя первыми: возможность нанесения кораблями ВМС США (совместно со стратегической и, возможно, палубной авиацией) массированного обезоруживающего неядерного удара с помощью КРМБ «Томагавк» по объектам СЯС РФ. Такой удар позволит уничтожить значительную часть российских МБР, РПК СН и бомбардировщиков, причем без глобальной экологической катастрофы. При таком сценарии американские СЯС полностью сохраняют свой потенциал. Если Россия все же решится на ответный удар остатками своих СЯС, он может быть парирован с помощью даже ограниченной ПРО. Причем в отражении этого удара также могут принять участие корабли ВМС США с ЗУР «Стандарт-SM3» и РЛС, обеспечивающими применение этих ЗУР. Для выполнения обеих этих задач американские корабли должны наносить удар именно из Арктики, поскольку отсюда простреливается с помощью КРМБ «Томагавк» большая часть российской территории (и большая часть объектов СЯС). К тому же американские корабли с системой «Иджис» оказываются под траекториями полета оставшихся российских МБР и БРПЛ в сторону США (поскольку их траектории проходят через Арктику). Это существенно облегчает выполнение задачи ПРО из-за минимизации значения курсового параметра и возможности стрелять навстречу, а не вдогон, а БРПЛ, запускаемые с РПК СН Северного флота, вообще позволяет сбивать на разгонном участке. Кроме того, в США могут предполагать, что если российские СЯС будут существенно ослаблены в результате обезоруживающего удара, при том что американские СЯС полностью сохранят свой потенциал, Россия вообще не решится на ответный удар [1, 2].

Тем не менее, такой сценарий имеет ряд существенных рисков и ограничений.

- 1) Обезоруживающий удар должен быть единственным, поскольку, если первый удар не принес успеха либо принес ограниченный успех, возможности нанести второй удар уже не будет, так как Россия автоматически нанесет полномасштабный ядерный удар по территории США. Следовательно, в первом и единственном ударе должен быть задействован максимальный потенциал ВМС и ВВС США. Однако концентрация крейсеров типа «Тикондерога» и эсминцев типа «Орли Берк» ВМС США вблизи российских вод автоматически уничтожит внезапность, что делает все мероприятие бессмысленным. Если же рассчитывать только на ПЛА, возникают проблемы с количеством КРМБ.
- 2) Нанесение обезоруживающего удара с помощью КРМБ «Томагавк» и решение задачи ПРО входят в противоречие друг с другом, поскольку КРМБ и ЗУР «Стандарт» размещаются в одних и тех же ячейках УВП Мк41 крейсеров и эсминцев. Таким образом, чем больше КРМБ, тем меньше ЗУР и наоборот.
- 3) На нынешнем этапе поражение МБР на космическом участке их траектории с помощью ЗУР «Стандарт» невозможно, удастся ли их соответствующим образом доработать — неясно.
- 4) Дивизии РВСН, дислоцированные в Сибири, остаются вне зоны досягаемости КРМБ «Томагавк» даже при стрельбе по ним из арктических вод (либо понадобится увеличение количества топлива за счет сокращения массы БЧ, что не обеспечит поражения высокозащищенной цели даже при прямом попадании).

Соответственно, проведение в жизнь подобного сценария возможно только при реализации одновременно нескольких условий.

- ✚ Будет происходить полная деградация РВСН, ВВС и ПВО, ВМФ и космической группировки РФ с быстрым сокращением их боевого потенциала, что минимизирует количество целей для обезоруживающего удара и возможности по его отражению и по нанесению ответного удара (как по территории США, так и по кораблям ВМС США, наносящим обезоруживающий удар). В реальности же в последние три года такая деградация остановилась, происходит даже некоторое наращивание российского военного потенциала.
- ✚ США будут наращивать ударный потенциал ВМС и ВВС, что неочевидно в условиях начавшихся значительных бюджетных ограничений (в частности, предполагается ускоренное списание семи крейсеров типа «Тикондерога», надолго вышла из строя из-за пожара ПЛА «Майами»). Кроме того, основные усилия ВС США и вообще ВМС в первую очередь будут перенесены в АТР. Силы же Атлантического флота, который может быть задействован в описываемом ударе, будут сокращены, что сделает сценарий нереализуемым по чисто количественным параметрам.
- ✚ Американские КРМБ и ЗУР будут очень существенно доработаны, чего нельзя гарантировать, поскольку здесь требуется решение многих серьезных научно-технических задач и значительных расходов на НИОКР. Более того, увеличение дальности и скорости ракет, скорее всего, потребует

увеличения их размеров. Однако на их размеры существуют жесткие ограничения, определяемые габаритами ячейки УВП Мк41 или шахты на ПЛА.

- ✚ Политические отношения между США и РФ ухудшатся до такой степени, что руководство США сочтет риск войны с Россией приемлемым. В настоящее время наблюдается, скорее, противоположная тенденция.

Следует подчеркнуть, что обязательно должны быть выполнены все четыре условия одновременно, при невыполнении хотя бы одного удар наноситься не будет. Поэтому вероятность реализации подобного сценария следует считать очень близкой к нулю не только в краткосрочной, но и в более отдаленной перспективе. Тем более нулевой является вероятность массированного ядерного удара через полюс с чьей-либо стороны, поскольку никто не собирается совершать взаимное гарантированное самоубийство.

Борьба за передел Арктики

Даже в случае продолжения глобального потепления Арктика еще как минимум очень долго будет непригодна для сколько-нибудь массового проживания населения. Кроме того, ни у одной из нынешних арктических стран нет проблемы перенаселения, наоборот, везде, кроме США, есть проблема депопуляции. Соответственно, у потенциального передела Арктики могут быть только чисто экономические мотивы.

Так, наиболее популярным теоретическим сценарием вооруженного конфликта в Арктике является борьба за раздел месторождений углеводородов на Арктическом шельфе. Однако надо иметь в виду, что сама по себе добыча нефти и газа с океанского дна в условиях наличия даже временного ледового покрова несет такие технологические и финансовые риски, что делает рентабельность проекта неочевидной. Из-за этого ни одна нефтяная или газовая компания не пойдет на реализацию подобного проекта, если не урегулированы риски юридического, политического и тем более военного характера. То есть никто не начнет «явочным порядком» добывать нефть и газ на тех участках шельфа, которые являются спорными, поскольку такой проект заведомо окажется убыточным, к тому же ни одна страховая компания не будет его страховать (либо цена страховки будет неприемлемо высокой). Соответственно, данный сценарий конфликта можно считать совершенно иллюзорным. Особенно учитывая тот факт, что из всех существующих месторождений нефти и газа на сегодняшний день не определена принадлежность лишь 3 %.

По аналогичным причинам иллюзорен сценарий конфликта в форме столкновения ВМС сторон из-за нерешенности проблем судоходства в Арктике при условии ее освобождения ото льда на продолжительный период. Более того, в 2010 г. коммерческое транзитное

судоходство по СМП уже началось. Его пионером стал газовоз, доставивший партию СПГ из Мурманска в Китай. Его прохождение обеспечивали три атомных ледокола. С тех пор по СМП было организовано более 30 транзитных рейсов (как внутрироссийских, так и международных) в обоих направлениях, причем некоторые из них были безледокольными. Годичный грузооборот на трассе достиг 800 тыс. т, в перспективе он может дойти до 30 млн т. Ни к каким конфликтам это не привело.

Вообще, как показал опыт войны в Югославии в 1999 г. и инцидента с захватом батальоном ВДВ РФ аэродрома в Приштине, а также войны между Россией и Грузией в августе 2008 г., даже США, не говоря уже о европейских странах, психологически не готовы на очень ограниченный военный конфликт с Россией, если он происходит вне пределов территории как России, так и стран НАТО. Нет сомнений, что это же относится и к потенциальному столкновению флотов в Арктике по причине нерешенности вопроса статуса акваторий. Ситуация может измениться только в случае очень существенного военного ослабления России по сравнению даже с нынешним положением.

Более того, военный потенциал европейских стран, имеющих выход к Арктике и, следовательно, теоретически заинтересованных в ее переделе, сокращается значительно быстрее, чем у России, лишая их возможности какого-либо силового воздействия на ситуацию. При этом надо отметить, что сложность природно-климатических условий в Арктике ведет к резкому удорожанию боевых систем, используемых для ведения войны в данном регионе. В условиях экономического кризиса строительство и развертывание подобных систем в сколько-нибудь заметных количествах не представляется реальным. Вообще, не исключено, что большинство европейских стран в военном отношении уже прошло или в ближайшее время пройдет «точку невозврата», после которой восстановление утраченной боеспособности ВС становится невозможным по экономическим соображениям, поскольку потребует слишком больших затрат. Это видно сегодня хотя бы потому, что НАТО не готово начать военную операцию даже против охваченной гражданской войной Сирии, хотя та, уничтожив турецкий боевой самолет, создала прекрасный предлог для такой операции. Тем не менее, военный потенциал Сирии слишком велик, чтобы НАТО рискнуло начать против нее боевые действия. Это показывает, что обсуждать сценарий агрессии НАТО против России, обладающей в разы более мощными, чем у Сирии, обычными ВС и к тому же гигантским ядерным арсеналом, можно лишь в рамках спецпропаганды, но не научного дискурса.

Китайский фактор

Таким образом, в обозримой перспективе при нынешней геополитической конфигурации какие-либо военные действия в Арктике даже в ограниченных масштабах представляются невозможными. Ситуация может измениться в том случае, если таяние льдов продолжится, при этом в мире в целом будет нарастать дефицит природных ресурсов, который невозможно будет покрыть за счет разработки месторождений в других частях земного шара. В этом случае цены на ресурсы резко повысятся, что сделает рентабельными проекты по их добыче в Арктике.

Такое развитие событий практически неизбежно, если продолжится нынешними (или даже немного более медленными) темпами рост экономики Китая. В этом случае через несколько десятилетий ему одному не будет хватать ресурсов всей Земли. Если Китай к 2031 г. по доходу на душу населения догонит США, то он будет съедать две трети мирового урожая зерна, потребление им нефти поднимется на 500 % по сравнению с 2006 г., что приведет к нехватке 800 млн т в год мировой добычи, спрос на бумагу вдвое превзойдет мировое ее производство [3]. Как пишет в своей работе А. Давыдов, «доказано, что та расточительная модель, на которой базируется модернизация Китая, может не только обрушить его экономику, но и истощить мировые запасы ресурсов. То, что было достаточным еще недавно для удовлетворения потребностей «золотого миллиарда», окажется в крайнем дефиците, если к «клубу потребителей» полноправно присоединится 1,3-миллиардный Китай» [4, с. 35—36]. Китайский политолог Цзинь Цаньчжун задает риторический вопрос: «Начиная индустриализацию, Англия имела население 10 млн человек, но создала «империю незаходящего солнца». США, располагая 100-миллионным населением, создали миф о единственной сверхдержаве. Что же будет означать для мира индустриализация, которую осуществляет Китай с населением 1,3 млрд. человек?» [5, с. 23].

Прекрасно это понимая, китайское руководство и китайские компании уже сейчас проявляют значительный интерес к освоению Арктики, хотя с географической точки зрения Китай никаким образом не может считаться арктической страной. Также, именно Китай более всего заинтересован в свободном судоходстве через Арктику, поскольку это позволит резко сократить путь из его портов до портов Европы и Северной Америки.

Выход Китая в Арктику возможен либо через Россию (в случае дальнейшего экономического и демографического проникновения в ее азиатскую часть), либо через Канаду (где уже сейчас очень высока доля в населении этнических китайцев), либо через Норвегию (сейчас именно на Шпицбергене находится первая китайская арктическая станция, там же бази-

руется китайский ледокол), либо через Данию (путем освоения китайскими компаниями природных ресурсов Гренландии). Возможно сочетание всех этих вариантов. Кроме того, Китай в ближайшие 10—20 лет может создать свои ВМБ на побережье Атлантики (например, в Венесуэле, на Кубе, в Анголе), откуда его ВМС получат выход в Арктику.

Нет ни малейших сомнений в том, что по мере роста, с одной стороны, военной мощи НОАК, с другой — потребности в ресурсах, жесткость внешней политики Китая будет нарастать. Кроме того, будет активизироваться и китайский вариант «мягкой силы», то есть тотальной скупки активов и людей (в первую очередь политических и экономических элит), которые нужны Китаю, а также демографического проникновения. Очевидно, что эффективность применения «мягкой силы» будет быстро возрастать по мере роста обеспечивающей ее военной мощи Китая.

Следует отметить, что военные потенциалы европейских стран, как было сказано выше, имеют тенденцию к сокращению ниже критического уровня, за которым происходит полная утрата боеспособности. Ожидающиеся бюджетные сокращения будут неизбежно способствовать снижению военных возможностей США, особенно с учетом физического старения американской боевой техники, особенно авиационной. Обещанный перенос усилий в АТР может лишь частично компенсировать общее снижение потенциала. Перспективы военного строительства в России крайне неоднозначны и малопредсказуемы из-за экономических и политических проблем, к тому же Россия весьма уязвима для воздействия китайской «мягкой силы». Что касается военных возможностей НОАК, то они быстро растут, причем сразу во всех аспектах и компонентах [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25]. Это ведет к радикальному изменению баланса сил в мире. При сохранении указанных тенденций в ближайшие 10—20 лет Китай сможет проецировать силу практически в любую точку Земли (особенно благодаря массивному проникновению в Африку, которая становится плацдармом КНР), что напрямую скажется, в частности, на ситуации в Арктике.

В ресурсах Арктики заинтересованы еще три азиатские страны, которые, теоретически, обладают достаточным экономическим, демографическим и военным потенциалом, чтобы включиться в борьбу за данный регион. Это Индия, Республика Корея и Япония. Однако все они значительно отстают от Китая и по размерам ВС, и в плане наличия сферы влияния за рубежом, обеспечивающей проецирования силы в отдаленные регионы. Однако можно себе представить, что США и/или Россия могут задействовать потенциал этих стран в противовес китайской экспансии, в обмен предоставляя им право на доступ к арктическим

ресурсам в своих экономических зонах. США в этом плане могут рассчитывать на союз со всеми тремя указанными азиатскими странами, Россия — на союз с Индией и, возможно, с Кореей.

Соответственно, в долгосрочной перспективе возможно военное противостояние в Арктике внутри треугольника США — Китай — Россия. Участие других стран и коалиций возможно, но оно заведомо будет чисто вспомогательным. Описывать конкретные сценарии подобного противостояния сейчас не представляется возможным, поскольку на них воздействует слишком много различных факторов. Совершенно точно можно сказать лишь то, что если Арктика станет ТВД по последнему великому переделу мира, то одним из участников этих военных действий будет Китай.

Литература

1. Храмчихин А. Военно-политическая ситуация в Арктике и сценарии возможных конфликтов // Арктика и Север. 2011. № 2. С. 36—50. URL: <http://narfu.ru/aan/>
2. Храмчихин А. Удар по России: миф или реальность? // Национальная оборона. 2011. № 5. С. 14—24.
3. Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. ИМЭМО РАН. М.: Наука, 2007. 327 с.
4. Давыдов А. США — КНР — Россия: «треугольник» 35 лет спустя // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 6. С. 22—38.
5. Цаньжун Ц. О познании важнейших международных тенденций // Китайские политологи о «послеолимпийской эпохе» и российско-китайских отношениях. М., 2009 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 3). С. 18—23.
6. Чуприн К. Военная мощь Поднебесной. Вооруженные силы КНР (справочник). Мн., Харвест, 2006. 840 с.
7. Каменнов П. КНР: проблемы обороны // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 6. С. 52—66.
8. Шамбо Д. Армия Китая в переходный период: политика, профессионализм, приобретение вооружений и проецирование мощи // Модернизация китайской армии в оценках западных специалистов (специальный выпуск журнала «The China Quarterly»). М., 1997 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 6). С. 3—15.
9. Национальная оборона Китая в 2000 году: «Белая книга». Управление информации ГС КНР. М., 2001 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 1).
10. Стефашин В. Военно-стратегические концепции Китая // Зарубежное военное обозрение. 1994. № 9. С. 2—7.
11. Военная мощь КНР. М., 2005 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 11).
12. Агафонов Г. Потенциал флотов стран Азиатско-Тихоокеанского региона // Морской сборник. 2003. № 2. С. 72—77.
13. Агафонов Г. Азиатско-Тихоокеанский регион и морской потенциал России // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 6. С. 31—44.

14. Панов М., Маневич В. Военные конфликты на рубеже 2030 года // Зарубежное военное обозрение. 2008. № 1. С. 3—15.
15. Мозговой А. Куда плывет китайский флот? // Военный парад. 2007. № 2. С. 56—58; № 3. С. 54—57.
16. Балахонцев Н., Кондратьев А. Зарубежные методы оценки потенциала стран // Зарубежное военное обозрение. 2010. № 11. С. 101—104.
17. Оценка США ракетно-ядерных сил и обстановки в операционной зоне ВМС НОАК // Морской сборник. 2005. № 9. С. 71.
18. Стефашин В. Ядерная стратегия Китая // Зарубежное военное обозрение. 1995. № 1. С. 2—8.
19. Процесс перехода к производству собственного вооружения в Китае // Военно-политические проблемы и Вооруженные силы Китая. М., 2004 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 1). С. 45—51.
20. Тайваньские военные специалисты о 38 армии вооруженных сил КНР // Военно-политические проблемы и Вооруженные силы Китая. М., 2004 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 1). С. 52—59.
21. Никольский В., Новичков Н. Военные флоты мира 2009—2010 гг. Справочник. М.: АНО «Информационное агентство АРМС-ТАСС», 2009. 1097 с.
22. Шлындов А. Сотрудничество России и Китая в научно-технической, технологической и производственной сферах (окончание) // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 6. С. 17—41.
23. Каменнов П. Военно-промышленный комплекс КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 5. С. 50—60.
24. Айтакаева Т. КНР: концепции информационных операций // Зарубежное военное обозрение, 2008. № 6. С. 30—31.
25. Кондратьев А. Некоторые особенности реализации концепции «Сетецентрическая война» в вооруженных силах КНР // Зарубежное военное обозрение. 2010. № 3. С. 11—17.

*Рецензент — Лукин Юрий Фёдорович,
доктор исторических наук, профессор*